

Локальные сообщества в условиях городской экспансии: кейсы Курьяново и Северного в оптике Чикагской школы

Иван Печковский,
Камалия Зинурова,
Дарья Котельникова,
Александр Ушаков

Советский рабочий поселок

С точки зрения Зиммеля, главным фактором, влияющим на психологию горожанина, является «повышенная нервность жизни, происходящая от быстрой и непрерывной смены внешних и внутренних впечатлений» в городе по сравнению с маленьким городком или деревней [Зиммель, 2002, с. 1]. Члены малых сообществ ведут более привычный и эмоцио-

Печковский Иван Павлович, студент бакалавриата, кафедра территориального развития им. Глазычева, Институт общественных наук (ИОН), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Москва, Российская Федерация.
E-mail: juanfrnko@mail.ru

Зинурова Камалия Маратовна, студентка бакалавриата, кафедра территориального развития им. Глазычева, Институт общественных наук (ИОН), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Москва, Российская Федерация.
E-mail: zinurova.kamalya@yandex.ru

Котельникова Дарья Алексеевна, студентка бакалавриата, кафедра территориального развития им. Глазычева, Институт общественных наук (ИОН), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Москва, Российская Федерация.
E-mail: dkotelnikova29@gmail.com

Ушаков Александр Сергеевич, студент бакалавриата, кафедра территориального развития им. Глазычева, Институт общественных наук (ИОН), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Москва, Российская Федерация.
E-mail: ushakov_as_w@mail.ru

Статья посвящена анализу трансформации локальных сообществ в Москве под влиянием городской экспансии. Теоретической рамкой исследования выступает концепция Харви Зорбо, изложенная в его классической работе «Золотой берег и трущобы» (1929), которая описывает распад традиционных соседских связей в условиях роста и мобильности городского населения. В качестве эмпирической базы для сравнительного анализа были выбраны два московских поселка – Северный и Курьяново. Оба поселка исторически обладали схожими характеристиками: изолированность, уникальные архитектурно-планировочные решения и особые практики участия жителей в локальной жизни, сформированные вокруг градообразующих предприятий.

Изначальная гипотеза предполагала, что сообщество Курьяново находится на стадии дезинтеграции. Этот процесс связывался с масштабными инфраструктурными изменениями (строительство МЦД и ЮВХ), утратой ключевых общественных пространств (ДК «Аэрации») и растущей интеграцией в городскую

нально окрашенный образ жизни: в силу размера их сообщества они неизбежно собирают информацию о своих знакомых и об окружающей среде, вследствие чего все отношения приобретают эмоциональный оттенок. Горожане сталкиваются с несравненно большим числом взаимодействий со средой, чем жители небольшого города, что делает их более сдержанными, безразличными и даже отчужденными в межличностных отношениях по сравнению с жителями деревни, что обусловлено как числом их знакомств, так и ограниченностью человеческой способности переживать психологические реакции [Зиммель, 2002, с. 2]. В современной Москве часть горожан стремится найти места внутри городской черты, образ жизни в которых приближен к деревне или маленькому городку. Одно из наиболее известных подобных мест – поселок Курьяново, о котором регулярно пишут как о «деревне внутри МКАД» [Кадушкина, 2014] и даже как о «самом интересном районе Москвы» [Устюжанин, 2022], снимают репортажи [Гнилырыбов, 2023] и водят экскурсии. Схожими с Курьяново характеристиками обладает куда менее известный поселок Северный, расположенный на самом севере столицы [Шпаковский, 2023]. Оба поселка создавались в начале 1950-х годов в качестве жилья для работников Курьяновской станции аэрации и Северной станции водоподготовки. В их дальнейшей истории можно выделить два основных периода.

Первый – период советский. Ему свойственно существование Курьяново и Северного в рамках классического рабочего поселка. Для понимания его принципов и идей мы обратимся к тексту М. Г. Мееровича «Рождение и смерть города-сада: действующие лица и мотивы убийства». Внешне рабочий поселок схож с идеей города-сада Эбенизера Горварда – «город-сад мыслился как поселение площадью не свыше 400 га, замкнутое в кольцо не подлежащих застройке сельскохозяйственных земель, с зеленым (парковым) центром, сосредоточивающим главные административные, торговые и культурные здания, с предпочтительно радиально-кольцевой планировкой бульваров и улиц и застройкой жилых кварталов зданиями коттеджного типа» [Меерович, 2007, с. 118]. При этом «суть парадигмы заключается, однако, не столько в архитектурно-планировочных и художественно-образных, сколько в социально-экономических, социально-политических и организационных решениях, предполагающих равное и свободное участие каждого жителя в управлении социальным организмом города» [Меерович, 2007, с. 119].

Социально-политическая система СССР требовала централизованного государственного контроля и способности к управлению населением, поэтому недолгие эксперименты по созданию городов-садов в рамках кооперативного поселкового строительства периода НЭП были прекращены. Им на смену пришел рабочий поселок: «Возводится он исключительно для обслуживания производства, которое, собственно, и диктует требования к формированию условий жизни. Здесь деятельность устанавливает, какие формы жизни необходимы для восстановления производительных сил, поэтому актуально лишь то, что позволяет обеспечить нормальное течение трудового дня» [Меерович, 2007, с. 159]. За подчинением всей общественной жизни нуждам производства следовало, что вся собственность, механизмы управления поселением и источники развития принадлежали государству через предприятие, бывшее элементом общегосударственной системы промышленного производства. В отличие от города-сада, где жизнь поселения выстраивалась на основании коллективного управления и демократического участия всех членов товарищества, в рабочем поселке жители в обмен на жилье, продовольственное обеспечение и организацию досуга оказывались в полной зависимости от предприятия.

Трансформация концепции отразилась и на планировке. Город-сад предполагал радиально-кольцевую структуру, с парковым центром, концентрирующим торговые, административные и культурные функции [Меерович, 2007, с. 118]. И в Курьяново, и в Северном, как в классических

среду. Сообщество Северного, напротив, представлялось более устойчивым благодаря географической отдаленности и сохранению формальных институтов, таких как Дом культуры и ТСЖ.

Исследование выполнено с использованием качественной методологии. На основе данных, собранных в ходе глубинных интервью с жителями и включенных наблюдений, в статье прослеживается хронология трансформации сообществ. Анализ повседневных практик и степени вовлеченности жителей в культурную жизнь позволил выявить ключевые различия в траекториях развития этих территорий и оценить влияние про-странственных и социальных факторов на их устойчивость.

Ключевые слова: социология города, Курьяново, Северный, рабочий поселок, сообщества, городская экспансия

Цитирование: Печковский, И., Зинурова, К., Котельникова, Д., & Ушаков, А. (2025). Локальные сообщества в условиях городской экспансии: кейсы Курьяново и Северного в оптике Чикагской школы. *Городские исследования и практики*, 10(4), 63–73. <https://doi.org/10.17323/usp104202563-73>

рабочих поселках, центром выступал зеленый бульвар, заменивший парк как центр всей общественной жизни равных участников радиально выстроенного города-сада. Бульвар подчинен задачам оптимизации рабочего дня и обеспечения постоянного доступа к месту работы. В его начале – предприятие, в конце – Дом культуры. На нем же располагалась вся необходимая инфраструктура. Двухэтажные жилые дома с приусадебными участками по линиям и улицам параллельно расходятся по обе стороны бульвара, обеспечивая равный доступ как к месту работы, так и ко всей необходимой инфраструктуре. Утром люди шли по нему на работу, а вечером на обратном пути покупали все необходимые товары, возвращаясь домой в ведомственную квартиру.

Второй период истории Северного и Курьяново начался в 1994 году, когда устройство рабочих поселков коренным образом изменилось под влиянием отказа от командно-административной экономики, и продолжается до сих пор. Приватизация и передача обязанностей по содержанию инфраструктуры Курьяново и Северного от Управления водопроводно-канализационного хозяйства (далее – УВКХ) [Энциклопедия «Москва», 1980; Мухин, 2011] на баланс городских служб предположительно произошли в период между изданием указа о приватизации жилья в 1992 году и учреждением МГУП «Мосводоканал» в 1995 году, ставшего приемником УВКХ. Для исключения возможной путаницы мы используем 1994 год как точку водораздела, засвидетельствованную респондентами в качестве момента окончательного перехода на рыночные отношения и передачи обязанностей по организации общественной жизни от УВКХ к городским властям.

Курьяново находилось в черте границ Москвы с 1960 года, однако ведомственный статус поселка ограничивал возможность интеграции с растущими вокруг районами вплоть до 1994 года, когда начался процесс интеграции поселка. В 2017-м подвести черту этому процессу взялись авторы проекта «Типология счастья: Курьяново» [Жвирблис, Рудь и Герасименко, 2017]. Их выводы показали, что распад среды рабочего поселка – закрытие ДК, роспуск профсоюза, существовавшего на базе Курьяновской станции аэрации, и проникновение мегаполиса в эмоциональный и культурный ландшафт поселка – лишил сообщество Курьяново субъектности.

Поселок Северный пережил схожую трансформацию, однако в отличие от Курьяново в нем до сих пор функционирует Дом культуры, выступающий в качестве связующего элемента локального сообщества (в Курьяново его здание занял Центр московского долголетия «Печатники»), действует товарищество собственников жилья, позволяющее жителям отстаивать собственные права даже после ликвидации профсоюза, а также сохранились многие материальные элементы советской эпохи (вплоть до заборов придомовых участков). Это позволяет предположить, что Северный смог сохра-

нить многие черты советского, искусственно сконструированного сообщества.

Ареалы и сообщества

Для описания встраивания закрытых ведомственных поселков в общемосковский контекст подходит определение городской экспансии (*expansion*), предложенное Эрнстом Берджессом в своей работе «Рост города. Введение в исследовательский проект»: «Экспансия города с точки зрения городского планирования, зонирования и региональных обследований рассматривается почти всецело в терминах его физического роста» [Берджесс, 2015, с. 22]. «Тем не менее процессы экспансии, и особенно ее темпы, можно изучать не только в физическом росте и развитии бизнеса, но и в вытекающих из них изменениях в социальной организации и личностных типах» [Берджесс, 2015, с. 26]. Отталкиваясь от идей Берджесса, Харви Зорбо в книге «Золотой берег и трущобы» сосредотачивается на вопросах изменения социальной организации сообществ. Квинтэссенцией сообщества, по его мнению, является деревня, к образу которой обращались организаторы городских общин: «Ее население относительно едино с точки зрения социального и экономического статуса. Существуют лишь немногочисленные контрасты между принятым и чужестранным» [Зорбо, 2015, с. 203]. Являлся ли рабочий поселок квинтэссенцией сообщества? Какие трансформации он переживает в контексте городской экспансии и субурбанизации? Чтобы ответить на эти вопросы, мы постарались соотнести аспекты жизни сообществ, сформулированные Зорбо, с контекстом рабочего поселка, описанного Мееровичем:

- «Культурный бэкграунд» (*cultural backgrounds*). Люди одного происхождения предрасположены жить локальными группами и иметь как можно меньше контактов с непохожими на них людьми. В отличие от деревенского сообщества городские жители обладают разным происхождением, которое заставляет их по-разному реагировать на одни и те же социальные ситуации. [Зорбо, 2015, с. 220–221]. Изначально поселки – искусственные образования, к тому же «в соцпоселении строго регулировались социальный состав населения и его численность. Жить в нем должны были лишь те, кто сначала возводил предприятие, а затем на нем работал» [Меерович, 2007, с. 157]. Строгий отбор по профессиональному признаку позволяет предположить, что разный культурный бэкграунд новоселов быстро забывался под влиянием совместного труда и обобществления благ, формируя приближенную к деревенской закрытую локальную группу.
- Цеховой разговор (*shop talk*). Зорбо утверждает, что неотъемлемым элементом большого города является профессиональная дифференциация, способствующая формированию не локальных,

но профессиональных сообществ. В его тексте присутствует термин «цеховой разговор», подразумевающий, что ежедневные встречи с людьми того же типа, которые работают над теми же задачами, тем же способом, способствуют выработке определенной организации и институтов, а вследствие этого – установок и ценностей [Зорбо, 2015, с. 216]. В рабочем поселке локальное и профессиональное сообщество были синонимичны, а цеховой разговор в таком случае был единицей всего общения в поселке и поддерживался через паспортный режим, прописку, введение трудовых книжек и зависимость от распределительной системы [Меерович, 2007, с. 159]. Подобная фильтрация исключала возможность постоянного общения с людьми за пределами профессионального сообщества. Организацией институтов рабочего поселка также занималось государство, причем без участия его жителей. Потому вопрос, насколько цеховой разговор, а не государство влиял на формирование сообщества и смогло ли оно пережить 1994 год, остается открытым.

- Дифференциация менталитетов (*differentiation of community mentalities*). По мере роста доходов, люди склонны сегрегироваться и переезжать в более престижные районы [Зорбо, 2015, с. 221–222].
- Досуг (*recreation*). В деревне досуг сводил людей вместе, создавая общий багаж опыта, традиций и установок. В городе он стал коммерциализован, дифференцирован и вынесен за пределы сообщества [Зорбо, 2015, с. 215]. Создаваемый в рабочем поселке досуг служил цели восстановления производственных сил и был единообразен для всех жителей [Меерович, 2007, с. 156].
- Народные обычаи (*folkways*). Деревня как сообщество представляет собой гомогенную группу, где жизненные ситуации заранее определены традицией. Проблемы решаются коллективно: если человек не справляется сам, действует вся группа. Желания и деятельность индивида ограничиваются нормами, транслируемыми семьей, соседями и сообществом [Зорбо, 2015, с. 203–205]. Методом же решения проблем населения в рабочих поселках выступали профсоюзы, однако государство использовало их как еще один способ прикрепления трудящихся, устанавливая через них нормы пользования жилищем, продовольствием, связью и передвижением [Меерович, 2007, с. 151].
- Мобильность (*mobility*). Мобильность является одним из наиболее характерных проявлений роста города. Разделение труда и развитие коммерции вытягивают человека из локального сообщества, а развитие транспорта и коммуникации облегчают его передвижение. Мобильность является сильнейшим стимулом разрушения социальной солидарности и общественного мнени-

ния малых поселений, ведет к атомизации их жителей или даже к конфликту [Зорбо, 2015, с. 222–224].

- Физическая нестабильность и изменения (*physical instability and change*). Локальные группы обладают физическими символами идентичности: «Это зримые и постоянные символы, которые служат физической основой преемственности сообщества» [Зорбо, 2015, с. 214]. Вокруг них возникают чувства, традиции, ритуалы. Они становятся ядром самосознания сообщества. Рост города стирает их, а вместе с ним стираются и объединяющие сообщества объекты.

Современные исследования вопросов субурбанизации и городской экспансии развивают и дополняют эти идеи. Концепция «эффекта сообщества» Сони Саламон, определяющая социальные поведенческие результаты как продукт взаимодействия норм, экономических возможностей, демографии, культуры и истории места, может помочь объяснить различные траектории развития двух изначально идентичных поселков. В частности, подобно тому, как американские «новоприбывшие, как правило, ищут сельскую атмосферу, спокойствие, безопасность, хорошие школы и природу, а не уникальную идентичность и особые качества того или иного небольшого городка» [Salamon, 2003, p. 11], новые жители уже постсоветских рабочих поселков, привлеченные их «покоем и умиротворением», могут быть не заинтересованы в сохранении или интеграции со сложившимся сообществом. Степень этой заинтересованности в поселках может быть выражена по-разному.

Исследование МакМануса и Этингтона «Трансформация пригородов: новые подходы к их истории» указывает на необходимость изучения пригородных поселений в контексте их долгосрочной трансформации, что особенно актуально для анализа периода жизни рабочего поселка после 1994 года: «истории пригородов следует обратиться к локальному уровню – к тем точкам на местности, которые накопили богатую историю с момента основания того или иного пригорода» [McManus & Ethington, 2007, p. 328].

Также важно учитывать опыт других постсоциалистических стран. Исследование субурбанизации Вроцлава показывает альтернативную траекторию постсоциалистической трансформации пригородных территорий, которая может служить контрпримером для анализа московских рабочих поселков. В отличие от искусственно созданных советских поселков, пригородные деревни Вроцлава представляли собой исторически сложившиеся поселения, морфология которых восходит к Средневековью [Szymytkie, 2020, p. 28]. После 1989 года эти поселения пережили интенсивную субурбанизацию, характеризующуюся масштабным жилищным строительством и успешной адаптацией исторической планировки

к современным потребностям [Szmytkie, 2020, р. 35–37]. Этот пример позволяет выдвинуть гипотезу о том, что функциональная гибкость и историческая укорененность поселений могут определять их способность к адаптации в постсоциалистических условиях, что особенно важно для поселений, основанных менее века назад в условиях командно-административной экономики.

В своем тексте Зорбо использует два понятия для описания городских объединений: ареалы (local area) и сообщества (community). Под «ареалом» «имеется в виду некоторая общность интереса, существующая между членами группы, мыслимая в соотношении с их пространственным распределением» [Зорбо, 2015, с. 202]. Сообществом становится тот ареал, общность интересов которого трансформируется в общие переживания, традиции, чувства, установки и воспоминания, которые являются главными принципами организации жизни индивидов. «Следовательно, сообщество – это локальный ареал, в пределах которого люди используют один и тот же язык, подчинены одним и тем же нравам, испытывают более или менее одинаковые чувства и действуют исходя из одних и тех же установок» [Зорбо, 2015, с. 203]. В конечном счете мы хотим ответить на вопрос: каким образом разный уровень динамики городской экспансии, выраженный в различных пространственных и культурных трансформациях идентичных рабочих поселков, изменил их сообщества?

Методология исследования

Исследование проводилось с января по февраль 2025 года в Москве. В качестве методов исследования использовались контекстуальный анализ, охватывающий весь период развития поселков с 1930-х по 2025 год, включенное наблюдение и полуструктурированное глубинное интервью. В ходе полевых выездов было опрошено 14 человек, по 7 респондентов в каждом поселке. Самому младшему респонденту было 19 лет, самому старшему – 75. Участников исследования мы находили непосредственно в поле, расширяя контактную базу методом «снежного кома» через рекомендации уже опрошенных людей. Гайд-интервью было основано на базе методического пособия проекта «Москва без окраин», посвященного исследованию локальной идентичности районов Москвы через личные истории жизни их жителей [Музей Москвы, 2023]. Мы беседовали с информантами об их досуге, роли станции аэрации и станции водоподготовки в их жизни, частоте выездов за пределы поселка, их восприятии изменений, происходящих в Северном и Курьяново. Средняя длительность интервью составила 36 минут.

Полевые материалы были расшифрованы с диктофонных записей, анонимизированы и декодированы. Ссылаясь на них, мы будем обозначать в скобках, является ли респондент коренным (К –

коренной, НК – некоренной), его пол и возраст (пример: НК, М, 43). К коренным мы отнесли респондентов, переехавших в период до 1994 год для работы на станции или родившихся в поселке. Некоренными являются респонденты, переехавшие в поселок в период с 1994 по 2025 год путем покупки недвижимости.

Курьяново

Возникновение рабочего поселка Курьяново, который сегодня находится в границах района Печатники, связано со строительством одноименной станции аэрации. Планы по ее возведению на месте бывшей деревни Курьяново появились еще в 1930-х годах, но из-за Второй мировой войны их реализация была отложена до 1947 года. Поселок изначально создавался для сотрудников станции и проектировался по принципу шаговой доступности до места работы и ключевых объектов социальной инфраструктуры, обеспечивающих комфортные условия для жизни [Байков, 2022]. Жизнь в поселке формировалась за счет предприятия и сообщества жителей: «Мы жили в какой-то одной семье. Вот мои уезжали друзья, они мне звонят, просят: “Ты там кошек наших не покормишь?” Или уходили куда-то: “За дочкой не посмотришь?” Если у меня чего-то дома не хватает, да, я могла пойти к соседке и сказать: “Слушай, дай там пару морковок, я куплю тебе, отдам”. – “Да на, бери, не надо мне отдавать”. То есть мы жили вот как-то все вместе» (К, Ж, 75).

Станция аэрации полностью управляла жизнью поселка, от коммунального хозяйства до оказания социальных услуг. Таким образом, предприятие не только предоставляло рабочие места, но и формировало для сотрудников полноценную и самодостаточную среду. Жители могли пользоваться всеми необходимыми благами, не покидая пределов поселка: «Все вокруг станции крутилось, конечно. Ну, как тут-то станция и убиралась, и там, ну, все делала станция. То есть это как бы ее территорией была. Здесь все работали на станции» (К, М, 50).

Важную роль в формировании местного сообщества играл совместный досуг. Организацией мероприятий для жителей и созданием общественных пространств также занималась станция аэрации, а центральной точкой притяжения стал местный Дом культуры: «Все это организовывалось Мосводоканалом. Елка была для детей, там же ДК Курьяново, потом каждое 9 Мая и знаменательные даты. На День города тут выступал вокально-инструментальный ансамбль “Ровесники”» (К, М, 48).

Ключевые изменения в жизни сообщества произошли в 1994 году. Экономические реформы привели к закрытию большинства местных учреждений культуры и торговли, ранее обеспечивавших автономность поселка [Жвирблис, Рудь и Герасименко, 2017, с. 55]. Хотя Курьяново начало постепенно поглощаться мегаполисом, его физическая среда

на первых порах сохраняла свою целостность [Жвирблис, Рудь и Герасименко, 2017, с. 56].

За восемь лет, прошедших со времени исследования Жвирблис, Рудь и Герасименко, тенденция проникновения мегаполиса в среду поселка усилились. Городская экспансия начала оказывать существенное влияние на среду поселка с началом строительства Юго-Восточной хорды. Из-за нее были снесены три жилых дома, поселок был закрыт шумозащитным экраном от шума и грязи с новой дороги, была снесена важная точка притяжения всего поселка – каштановая аллея [Москвич Маг, 2019]. Рост города спровоцировал конфликт мэрии и жителей сразу в нескольких районах, самым ярким проявлением которого стал эпизод с радиоактивным загрязнением на другом берегу Москва-реки [Интерфакс, 2019]. Жители Курьяново предпринимали попытки борьбы с планами по строительству хорды, однако успехом они не увенчались: «Они когда объявили первый раз о сносе, сказали, что жителей переселят, а дома сносить не будут. Сделают, может быть, там что-то общественное, приспособят эти дома. Я напечатала объявление, хотела собрать народ, чтобы выступить против этой дороги, потому что все понимали прекрасно, что это будет. Но народ как-то не очень» (К, Ж, 75). Кроме того, в настоящее время в центральной части поселка есть дома, входящие в программу реновации [Фонд Реновации, 2025].

Хорда стала данностью, с которой пришлось смириться: «Хорда нам не нравится. Ну что мы можем сделать? Говорят, ну кто ездит, сказали, что стало очень удобно, очень быстро» (К, Ж, 75); «Там была аллея раньше вдоль шоссе. Ну, уже привыкли. Люди ко всему привыкают» (НК, Ж, 68).

Следующий крупный транспортный проект – станция метро «Курьяново» – воспринимается жителями как неизбежность и необходимость в контексте общегородского развития и не встречает серьезного сопротивления: «Вот сейчас говорят, что метро не надо. Но оно надо, потому что тут за Батюнинской улицей будет построен новый микрорайон. Там надо метро в любом случае, потому что иначе загруженность автобусов тут вообще будет жуть. <...> Город, как говорится, не резиновая Москва, но все-таки она резиновая» (К, М, 48).

Распад закрытой системы «поселок-предприятие» и городская экспансия привели к разделению локального и профессионального сообществ. Этот процесс наглядно иллюстрируют практики маятниковой миграции: в конце дневной смены (17:00) большинство сотрудников станции покидает Курьяново на личном транспорте или через станцию МЦД. Одновременно меняется и состав населения самого поселка, где растет число жителей, которые никогда не были связаны с водоочисткой: «Мало кто из поселка на станции работает. Племянница у меня работает сейчас. Как раз там, где мама моя работала в этом же цехе. Но своих мало» (К, Ж, 75). Хотя уверенность в прямой связи большинства жителей

со станцией сохраняется: «Все, кто здесь живет, они каким-то боком там работали, или кто-то из родственников работал на этом предприятии» (К, М, 48).

Городская экспансия также способствовала постепенному упадку учреждений образования, где люди могли обретать совместный опыт и впитывать установки сообщества: «После того, как подросла, я начала больше выбираться в центр. Либо не в центр, а именно к Печатникам, потому что у меня друзья были в Печатниках именно, потому что я ходила не в курьяновскую школу. Потому что курьяновские школы плохие, очень!» (К, Ж, 19).

Другие важные точки локальной инфраструктуры также были утрачены, что вынуждало жителей поселка все чаще выезжать за пределы поселка, в основном в район Печатники для получения социальных услуг: «Была больница. Аптека-то, да, хорошая была аптека. Потом там, по-моему, тоже была поликлиника, того-то я тоже не застала, где теперь сейчас общежитие, туда дальше за ним, это сейчас “Пятерочка”. Был универмаг, можно было все купить» (НК, Ж, 68).

При этом жители осознают ценность среды поселка и стремятся поддерживать ее собственными силами: «Мне кажется, начали появляться новые люди, но я не уверена на самом деле. Ну, либо просто старые люди начали как-то богатеть больше. Если смотреть просто на домики, в смысле кто-то там ремонтную активность устраивает, облагораживает. Поприличнее стало выглядеть. Не знаю, стали больше заботиться о состоянии» (К, Ж, 19).

Северный

Поселок Северный был спроектирован и реализован в 1950-х годах и на данный момент входит в состав одноименного московского района. Станция водоочистки, расположенная рядом с поселком, стала пионером в разработке новых технологий водоподготовки, включая эксперименты с озонированием воды и внедрение автоматизированной анализаторной системы для контроля качества воды на всех стадиях обработки. Сегодня она остается одной из передовых станций водоподготовки в Москве по исследованиям качества воды, обеспечивая чистой питьевой водой северную часть столицы, Зеленоград и ближайшие городские округа Подмосковья, такие как Долгопрудный, Химки и Мытищи.

Северный, как и Курьяново, представляет собой адаптированный к конкретным условиям взгляд на концепцию города-сада. Дома в поселке были рассчитаны на несколько семей и имели приусадебные участки, что соответствует идее тесной связи с природой. Станция водоочистки, ради которой строился поселок Северный, была вынесена на периферию поселка. Дома были спроектированы коллективом архитектурно-планировочной мастерской № 12 Управления по делам архитектуры города Москвы под руководством Н. Н. Селиванова, в сотруд-

ничестве с архитекторами К. Кисловой и З. Государевой [Стародубов, 2014]. Поселок был обеспечен всей необходимой для жизни инфраструктурой, включая постройки по индивидуальным проектам, такие как здание управления Северной водопроводной станции (1-я Северная линия, д. 1, стр. 1), столовая (3-я Северная линия, д. 1), пожарное депо (1-я Северная линия, д. 7), а также типовые здания, такие как Дом культуры (3-я Северная линия, д. 17) и школа, которая сейчас является детским садом (3-я Северная линия, д. 15), построенные по проектам архитекторов Н. М. Вавириковского и А. П. Великанова [Шпаковский, 2023].

Жизнь в поселке была спокойной, организованной и разнообразной: *«В пешей доступности у нас были свои культтовары, столовая, булочная, это сейчас один магазин, все переделали»* (К, Ж, 68).

Жители вспоминают, что в поселке было представлено множество разнообразных активностей, особенно связанных со спортом, который был доступным и массовым. Проводились мероприятия и соревнования, активно развивался культурный досуг, действовали различные кружки и занятия. Помимо широкой программы активностей, в сообществе формировались и тесные человеческие связи: *«Раньше спорт развит был сильнее. Летом там стадион был. Травка. Ее старик, Иван Борисович что ли его звали, строгий мужик, он там разметку делал для футболистов. Вокруг этого стадиона зимой заливали вот эту дорожку, лед получался, ну то есть для конькобежцев. В свое время городошная площадка была. В детстве мы сами палки кидали. Там и волейбольная площадка за клубом (была), парком ее называют».* (К, М, 70); *«И у нас тут водохранилище недалеко, на берег водохранилища выезжали. Там зона отдыха есть, и пляжи, мы там и загорали, и купались, раньше все функционировало, это все относилось к Мосводоканалу. На стадионе у нас был свой бассейн, а все сотрудники Мосводоканала пользовались льготными посещениями в бассейне»* (К, Ж, 68); *«У нас в школе всегда были кружки, у нас был Дом культуры, он и сейчас существует»* (К, Ж, 71).

Сообщество функционировало в достаточно закрытом формате, поддерживая тесные связи между жителями: *«Ну, каждый на своей улице собирался, дружили все вместе. Так или иначе, ни воровства, ни убийств, ничего не было. Ну, морду набьют порой друг другу. В общем, такое дело, дружно жили»* (К, М, 70).

Сейчас значительная часть жителей поселка продолжает работать на Северной водопроводной станции: *«Многие там работают, на Северной водопроводной станции. Для людей, конечно, это самый ближайший заработок и работа, и многие там долгие годы работают»* (НК, М, 36). Среди опрошенных не оказалось действующих сотрудников «Мосводоканала». Полевые наблюдения показали, что значительная часть сотрудников по окончании смены

остается в поселке. Это позволяет сделать вывод, что многие из них проживают в Северном.

Во время работы в Северном нам часто встречались респонденты, переехавшие в период после 1994 года по личным причинам, не связанным со станцией водоподготовки: *«Да, привлекло на самом деле то, что есть маленькая территория перед своим домом. Ты проникаешься в это, что двухэтажное здание, нет лифтов, общего коридора, так практически как в своем доме живешь. Такое ощущение, как будто находишься на даче, за городом»* (НК, М, 36).

Тишина и природа являются для переехавших главным фактором, выделяющим поселок на фоне других вариантов проживания в Москве. Уникальность окружающей среды, которую предлагает Северный, заставляет этих людей любить свое место жительства и отрицать любые другие варианты проживания: *«Я хочу сказать, что я сам не местный, хотя прожил здесь долго уже, я полюбил это место. Я люблю этот дом, эту квартиру, эти деревья, честно, не лирика какая-то, действительно, я выхожу, когда весна или лето, и у меня здесь птички, белки бегают. Людям нравится быть ближе к природе. Как там [в Москве] жить? Я не знаю. Ни зелени, ни леса, ни каких-то деревьев. А здесь спокойно, все хорошо. Я думаю, это людей объединяет. Потому что здесь спокойствие, природа, чистый воздух»* (НК, М, 60).

Коренные жители придают особое значение общности и добрососедству – факторам, которые, как они отмечают, ослабли с течением времени и приходом новых поколений: *«Сейчас уже плохо знаешь, кто где чего. Сейчас тем более время такое, что уже никто никого не знает. Даже вот сосед с соседом не шибко разговаривает, не то что раньше»* (К, М, 70).

При рассмотрении досуга в поселке важно отметить, что ДК потерял свое центральное значение. Респонденты выражаются о нем как о месте, где имеются *«очень хорошие секции, и детей возят, причем везут даже из других районов»* (К, Ж, 71), хотя респонденты с детьми предпочитают отдавать своих детей в центры занятости за пределами поселка. Более того, в сторону руководства высказывалась критика, связанная с недостаточным вниманием к поселку и организацией мероприятий: *«Я думаю, что немаленький у них штат. Ну пусть даже если 30 человек, они должны побольше как-то делать для поселка»* (НК, М, 60). Жители пенсионного возраста чаще пользуются сервисами, предоставляемыми районным отделением «Московского долголетия». Значительную часть досуга жителей составляет забота о прилегающих к квартирам земельных участках.

В сравнении с Курьяново, Северный был не так сильно затронут физическими изменениями. Более того, в 2020–2021 годах была проведена детальная реконструкция здания Дома культуры. Для выполнения работ по восстановлению лепнины здания ком-

пания-исполнитель пригласила художника-реставратора Владимира Лавренова, в 2016 году принимавшего участие в реставрации исторических артефактов, найденных при раскопках в римском Колизее [Мохов, 2020].

Здания, составлявшие часть системы обеспечения поселка, поменяли свое назначение, сохранив внешний облик: *«Там, где булочная была, сейчас там баню построили. Там, где культтовары были, сейчас там мировой судья сидит. Магазин какой-то новый не очень, там особо товара выбора нет и подороже»* (К, Ж, 68).

О потенциальной возможности застройки территории респонденты высказываются негативно: *«Последний раз я слышал, что в 2025 году будет какая-то реновация, не знаю, кого тут куда переселять будут. Но люди не хотят»* (НК, М, 60). На сайте Реновации планов по зданиям на территории поселка не обнаружено. *«Ну, какие-то на грани слуха. То, что ходили, да, они у нас каждый год ходят, но как бы ничего не делают. Ну, печально, если такой островочек малоэтажной застройки под грейдер несут»* (НК, М, 36).

Общественная жизнь в поселке развита слабо, а ТСЖ «Северный» не является центром консолидации сообщества. Жители воспринимают его исключительно как сервисную организацию для выполнения технических заявок, а не как инструмент для решения общих проблем. Эту утилитарную роль иллюстрирует комментарий респондента: *«ТСЖ – это как любая управляющая компания. Если что-то случилось, заявки, наверное, туда и поступают, они их выполняют»* (К, Ж, 68). Как следствие, в вопросах обслуживания домов жители часто полагаются на собственные силы: *«На самом деле наше доблестное жилищно-коммунальное хозяйство как-то пытается это все поддержать. Но понятное дело, что им сложно, и то, что у них мало денег. Пытаемся, стараемся сами дом поддерживать»* (НК, М, 36).

Как и в Курьянове, ключевые изменения в развитии района Северный были связаны с транспортной инфраструктурой. Открытие станции метро «Физтех» в 2023 году улучшило транспортную доступность поселка. Время в пути на общественном транспорте до ближайшего метро значительно сократилось по сравнению с поездками до станции «Алтуфьево», которая выполняла эту функцию ранее. *«Ко мне друг обещал приехать, как я сюда переехал. Он мне года четыре это обещал, когда я еще в пятиэтажке жил, и он наконец-таки приехал. Близость к метро, конечно, позволяет чаще выбираться в Москву»* (НК, М, 36). Однако жители поселка отмечают, что выбранное расположение станции оказалось не самым удобным и слабо повлияло на привычные маршруты: *«Мне что до Лианозово доехать, что до Физтеха доехать, разницы нет. Там от Физтеха до Лианозово на автобусе 5 минут. А так, конечно, далеко. Смотрите, вот этот весь район, Дмитровское шоссе, нам не добраться туда просто так»*

(НК, М, 60). Возможность добираться от поселка до метро напрямую коррелирует с качеством наземного общественного транспорта: *«Еще бы лучше, если бы хорошо работал 763-й автобус. Он очень плохо ездит. И доехать вот сюда, если мы имеем в виду социальные условия, очень тяжело»* (К, Ж, 72).

Заключение

Исследование двух рабочих поселков Москвы через призму концепции Харви Зорбо позволяет проследить, как городская экспансия трансформировала искусственно созданные сообщества. После 1994 года обе территории пережили схожие процессы распада закрытой системы рабочего поселка. Ликвидация профсоюзов разрушила прежние механизмы решения коллективных проблем, а передача инфраструктуры от предприятий городским властям привела к закрытию или перепрофилированию ключевых объектов жизнеобеспечения. Цеховой разговор перестал быть основой всего общения в поселках: теперь сотрудники могут жить за пределами поселков, а среди жителей увеличивается число людей, не связанных с водоочистными станциями. Несмотря на формальное сохранение институтов в Северном – Дома культуры и ТСЖ, – роль этих учреждений в поддержании сообщества существенно снизилась: ТСЖ функционирует как обычная управляющая организация, а Дом культуры утратил статус социального ядра поселка и стал образовательной площадкой для детей из других районов, оказывая лишь опосредованное воздействие на местное сообщество.

Ключевое различие в траекториях трансформации поселков заключается в разной интенсивности пространственных изменений и развития транспортной инфраструктуры. В Курьянове масштабные проекты (МЦД, ЮВХ, планируемое метро) привели к резкому росту мобильности жителей, что, в соответствии с идеями Зорбо, способствовало разрушению социальной солидарности. Физическая нестабильность среды, включая снос домов и уничтожение символических объектов, таких как каштановая аллея, лишила сообщество материальных основ коллективной памяти. В Северном, напротив, сохранение архитектурного ансамбля и ограниченное влияние новой станции метро «Физтех» на повседневные практики жителей способствовали поддержанию относительной изоляции. Эта особенность привлекает новых резидентов, ценящих «деревенскую атмосферу», однако не приводит к укреплению социальных связей. Слова коренных жителей о том, что «сосед с соседом не шибко разговаривает», прямо подтверждают тезис Саламон о том, что поиск уединенности не ведет к формированию сообщества.

Таким образом, оба поселка демонстрируют переход от сообщества к ареалу. В терминологии Зорбо от локальной группы с общими пережива-

ниями, традициями и установками к простому пространственному соседству с минимальной общностью интересов. Различия в степени городской экспансии определяют лишь темпы этого перехода: агрессивная транспортная интеграция Курьяново ускорила атомизацию его жителей и дифференциацию их менталитетов, в то время как относительная изолированность Северного замедляет, но не останавливает процесс распада сообщества. Именно сохранение физической среды рабочего поселка в Северном создает иллюзию преемственности, маскируя глубинную трансформацию социальной организации, где единый культурный бэкграунд работников предприятия сменился индивидуализированным поиском «тишины и природы» внутри городской черты.

Опираясь на опыт исследований постсоциалистической субурбанизации в Польше, дальнейшие исследования жизни сообществ Курьяново и Северного представляются релевантными в первую очередь с точки зрения преемственности идентичностей районов после 1994 года в их дальнейшей динамике. Мы допускаем, что адаптация к существованию в рамках рыночной логики приведет Северный к формированию субъектного сообщества, основой которого станет стремление к сохранению общего культурного бэкграунда, основанного на близости к «тишине и природе». Частично эту идентичность может сохранить и Курьяново, однако скорость происходящих в нем изменений ставит этот процесс под угрозу, требуя от жителей поселка и городских властей поиска методов адаптации и защиты идентичности поселка, выраженной в первую очередь в сохранившейся исторической планировке, к новому транспортному и жилищному строительству.

Благодарности

За помощь в написании работы мы сердечно благодарим Нину Александровну Любинарскую.

Источники

- Байков, А. (2022, 28 января). Один день в Курьяново. *Москвич Mag*. <https://moskvichmag.ru/gorod/odin-den-v-kuzyanovo>.
- Берджесс, Э.У. (2015). Рост города: введение в исследовательский проект. В Д.В. Ефременко (ред.), *Чикагская социология: сборник переводов* (с. 20–34). ИНИОН РАН.
- Гнилорыбов, П. (2023, 12 апреля). Курьяново: лучший район Москвы. *Архитектурные излишества*. YouTube. https://youtu.be/-4FFixw_Wyo.
- Жвирблис, Л.В., Рудь, Д.С., и Герасименко, А.В. (2017). Топография счастья: Курьяново. От искусственно созданного сообщества к самоорганизованному. Научный результат. *Социология и управление*, 3(1), 49–57.
- Зиммель, Г. (2002). Большие города и духовная жизнь. *Логос*, 34(3–4), 1–12.
- Зорбо, Х.У. (2015). Золотой берег и трущобы. В Д.В. Ефременко (ред.), *Чикагская социология: сборник переводов* (с. 166–227). ИНИОН РАН.

- Интерфакс. (2019, 8 июля). «Коммерсантъ» нашел радиоактивное загрязнение в районе Коломенского. <https://www.interfax.ru/moscow/668741>.
- Кадушкина, Е. (2014, 29 апреля). Московское безвременье: как живет поселок Курьяново в XXI веке. *Москва 24*. <https://www.m24.ru/articles/Pechatniki/29042014/43505>
- Комплекс градостроительной политики и строительства города Москвы. (2020, 24 июля). Станция МЦД-2 Курьяново открыли для пассажиров. <https://stroim.mos.ru/news/stantsiiu-mtsd-2-kur-ianovo-otkryli-dlia-passazhirov>.
- Комплекс градостроительной политики и строительства города Москвы. (2025). Станция метро «Курьяново» – Бирюлевская линия. <https://stroim.mos.ru/metro/station/112>.
- Меерович, М.Г. (2007). Рождение и смерть города-сада: действующие лица и мотивы убийства. *Вестник Евразии*, (4), 81–119.
- Мосводоканал. (2022, 19 мая). Северная станция водоподготовки: 70 лет на службе города. <https://www.mosvodokanal.ru/press/news/11974>.
- Московский водопровод. (1980). В *Энциклопедия «Москва»*. Советская энциклопедия. https://web.archive.org/web/20240425095537/https://mos80.com/m/moskvoretskaya_muzey/moskovskie_vedomosti.html.
- Мохов, С. (2020, 11 марта). В Москве реставраторы воссоздадут уникальную лепнину Дома культуры «Северный». *Гражданские силы*. <https://gr-sily.ru/obshestvo/v-moskve-restavriatory-vossozdatut-unikalnuyu-lepнину-doma-kul-tury-severnoy-29607.html>.
- Музей Москвы. (2023). *Москва без окраин: методическое пособие*. Музей Москвы.
- Мухин, В.А. (2011). Курьяновские очистные сооружения – стартовая площадка для новейших технологий. *Водоснабжение и санитарная техника*, (3), 44–49.
- Стародубов, Ю. (2014, 21 ноября). Кто проектировал поселок Северный? *Северный Вестник*. <https://web.archive.org/web/20150708093125/http://gazeta-severnoy.ru/?p=469>
- Устюжанин, А. (2022, 15 сентября). «Сюда водят экскурсии». Гуляем по самому киношному микрорайону Москвы. *MSK1.ru*. <https://msk1.ru/text/realty/2022/09/15/71655776>.
- Фонд Реновации. (2025). Реновация в районе Печатники ЮВА0. <https://fr.mos.ru/districts/pechatniki>.
- Шпаковский, С. (2023, 20 октября). Один день в Северном районе. *Москвич Mag*. <https://moskvichmag.ru/gorod/odin-den-v-severnom-rajone>.
- McManus, R., & Ethington, P.J. (2007). Suburbs in transition: New approaches to suburban history. *Urban History*, 34(2), 317–337.
- Salamon, S. (2003). From hometown to nontown: Rural community effects of suburbanization. *Rural Sociology*, 68(1), 1–24.
- Szmytkie, R. (2020). The impact of residential suburbanization on changes in the morphology of villages in the suburban area of Wrocław, Poland. *Environmental & Socio-economic Studies*, 8(4), 24–43.

LOCAL COMMUNITIES UNDER URBAN EXPANSION: THE CASES OF KURYANOVO AND SEVERNY THROUGH THE LENS OF THE CHICAGO SCHOOL

Ivan P. Pechkovskiy, undergraduate student, Department of Spatial Development named after V.L. Glazychev, Institute for Social Sciences, RANEPa; Moscow, Russia. E-mail: juanfrnko@mail.ru

Kamaliya M. Zinurova, undergraduate student, Department of Spatial Development named after V.L. Glazychev, Institute for Social Sciences, RANEPa; Moscow, Russia. E-mail: zinurova.kamalya@yandex.ru

Daria A. Kotelnikova, undergraduate student, Department of Spatial Development named after V.L. Glazychev, Institute for Social Sciences, RANEPa; Moscow, Russia. E-mail: dkotelnikova29@gmail.com

Aleksandr S. Ushakov, undergraduate student, Department of Spatial Development named after V.L. Glazychev, Institute for Social Sciences, RANEPa; Moscow, Russia. E-mail: ushakov_as_w@mail.ru

This article analyzes the transformation of local communities in Moscow under the influence of urban expansion. The theoretical framework is Harvey Zorbaugh's concept, outlined in his classic work, *The Gold Coast and the Slum* (1929), which describes the dissolution of traditional neighborhood ties amid urban growth and population mobility. Two Moscow settlements, Severny and Kuryanovo, were selected as the empirical basis for a comparative analysis. Both settlements have historically shared similar characteristics: isolation, unique architectural and planning solutions, and specific practices of resident participation in local life, formed around company-town enterprises. The initial hypothesis suggested that the Kuryanovo community is in a state of disintegration. This process was linked to large-scale infrastructural changes, the loss of key public spaces, and increasing integration into the urban environment. The community of Severny, in contrast, was seen as more resilient due to its geographical remoteness and the preservation of formal institutions for leisure and public matters, such as the "Severny" House of Culture and the homeowners' association. The study was conducted using a

qualitative methodology. Based on data collected through in-depth interviews with residents and participant observation, the article traces the chronological transformation of the communities. An analysis of daily practices and the degree of residents' involvement in the cultural life of the settlements revealed key differences in the development trajectories of these areas and allowed for an assessment of the impact of spatial and social factors on their sustainability.

Keywords: urban sociology; Kuryanovo district; Severny district; workers' settlement; community; urban expansion

Citation: Pechkovskiy, I., Zinurova, K., Kotelnikova, D., & Ushakov, A. (2025). Local Communities Under Urban Expansion: The Cases of Kuryanovo and Severny Through the Lens of the Chicago School. *Urban Studies and Practices*, 10(4), 63–73. <https://doi.org/10.17323/usp104202563-73>

References

- Baikov, A. (2022, January 28). Odin den' v Kur'yanovo One day in Kuryanovo. *Moskvich Mag*. <https://moskvichmag.ru/gorod/odin-den-v-kuryanovo>.
- Burgess, E.W. (2015). Rost goroda: vvedenie v issledovatel'skiy proekt [The growth of the city: An introduction to a research project]. In D.V. Efremenko (Ed.), *Chikagskaya sotsiologiya: Sbornik perevodov* [Chicago sociology: A collection of translations] (pp. 20–34). Moscow: INION RAN. Fond renovatsii [Renovation Fund]. (n.d.). *Renovatsiya v rayone Pechatniki YUVAO* [Renovation in the Pechatniki district of the South-Eastern Administrative Okrug]. Retrieved October 30, 2025, from <https://fr.mos.ru/districts/pechatniki>.
- Gnilorybov, P. (2023). Kuryanovo: luchshiy rayon Moskvy [Kuryanovo: The best district of Moscow] [Video]. *Arkhitekturnye izlishestva* [Architectural Excesses]. YouTube. https://youtu.be/-4FFixw_Wyo.
- Interfax. (2019, July 8). «Kommersant» nashel radioaktivnoe zagryaznenie v rayone Kolomenskogo ["Kommersant" found radioactive contamination in the Kolomenskoye area]. <https://www.interfax.ru/moscow/668741>.
- Kadushkina, E. (2014, April 29). Moskovskoe bezvremen'e: kak zhiyet posyolok Kur'yanovo v XXI veke [Moscow's timelessness: How the

Kuryanovo settlement lives in the 21st century]. *Moskva 24*. <https://www.m24.ru/articles/Pechatniki/29042014/43505>.

Kompleks gradostroitel'noy politiki i stroitel'stva goroda Moskvy [Moscow Urban Development and Construction Complex]. (2020, July 24). *Stantsiya MCD-2 Kur'yanovo otkryli dlya passazhirov Kuryanovo* [MCD-2 station opened for passengers]. <https://stroim.mos.ru/news/stantsiiu-mts-d-2-kur-ianovo-otkryli-dlia-passazhirov>.

Kompleks gradostroitel'noy politiki i stroitel'stva goroda Moskvy Moscow Urban Development and Construction Complex. (2025). *Stantsiya metro "Kur'yanovo"* [Metro station "Kuryanovo"]. <https://stroim.mos.ru/metro/station/112>.

McManus, R., & Ethington, P.J. (2007). Suburbs in transition: New approaches to suburban history. *Urban History*, 34(2), 317–337.

Meerovich, M.G. (2007). Rozhdenie i smert' goroda-sada: deystvuyushchie litsa i motivy ubiystva [The birth and death of the garden city: Actors and motives for the murder]. *Vestnik Evrazii* [Bulletin of Eurasia], (4), 81–119.

Mokhov, S. (2020, March 11).

V Moskve restavratory vossozhdadut unikal'nyu lepninu Doma kul'tury "Severnyy" [In Moscow, restorers will recreate the unique stucco molding of the "Severny" House of Culture]. *Grazhdanskie sily* [Civilian Forces]. <https://gr-sily.ru/obshestvo/v-moskve-restavratory-vossozhdadut-unikal-nuyu-lepninu-doma-kul-tury-severnyj-29607.html>.

Moskovskiy vodoprovod [Moscow water supply]. (1980). In *Entsiklopediya «Moskva»* [Encyclopedia "Moscow"]. https://web.archive.org/web/20240425095537/https://mos80.com/m/moskvoretorskaya_muzej/moskovskie_vedomosti.html.

Mosvodokanal. (2022, May 19). *Severnaya stantsiya vodopodgotovki: 70 let na sluzhbe goroda* [Northern water treatment plant: 70 years in the service of the city]. <https://www.mosvodokanal.ru/press/news/11974>.

Mukhin, V.A. (2011). Kur'yanovskie ochistnye sooruzheniya – startovaya ploshchadka dlya noveyshikh tekhnologiy [Kuryanovo treatment facilities – a starting point for the latest technologies]. *Vodosnabzhenie i sanitarnaya tekhnika* [Water Supply and Sanitary Technology], (3), 44–49.

Muzey Moskvy Museum of Moscow. (2023). *Moskva bez okrain: metodi-*

- cheskoe posobie* [Moscow without outskirts: A methodological guide]. Moscow: Muzei Moskvy.
- Salamon, S. (2003). From hometown to nontown: Rural community effects of suburbanization. *Rural Sociology*, 68(1), 1-24.
- Shpakovskiy, S. (2023, October 20). Odin den' v Severnom rayone One day in Severny district. *Moskvich Mag*. <https://moskvichmag.ru/gorod/odin-den-v-severnom-rajone>.
- Simmel, G. (2002). *Bol'shie goroda i duhovnaya zhizn'* [The metropolis and mental life]. *Logos*, 34(3-4), 1-12.
- Starodubov, Yu. (2014, November 21). Kto proektiroval posyolok Severnyy? [Who designed the Severny settlement?]. *Severnyy Vestnik* [Northern Herald]. <https://web.archive.org/web/20150708093125/http://gazeta-severny.ru/?p=469>.
- Szmytkie, R. (2020). The impact of residential suburbanization on changes in the morphology of villages in the suburban area of Wrocław, Poland. *Environmental & Socio-economic Studies*, 8(4), 24-43.
- Ustyuzhanin, A. (2022, September 15). "Syuda vodyat ekskursii". Gulyaem po samomu kinoshnomu mikrorayonu Moskvy ["They give tours here." Walking through the most cinematic micro-district of Moscow]. *MSK1.ru*. <https://msk1.ru/text/reality/2022/09/15/71655776>.
- Zhiviblis, L.V., Rud, D.S., & Gerasimenko, A.V. (2017). Topografiya schast'ya: Kur'yanovo. Ot iskusstvenno sozdannogo soobshchestva k samoorganizovannomu [Topography of happiness: Kuryanovo. From an artificially created community to a self-organized one]. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie* [Research Result. Sociology and Management], 3(1), 49-57.
- Zorbaugh, H.W. (2015). Zolotoy bereg i trushchoby [The Gold Coast and the slum]. In D.V. Efremenko (Ed.), *Chikagskaya sotsiologiya: Sbornik perevodov* [Chicago sociology: A collection of translations] (pp. 166-227). Moscow: INION RAN.